

Триумф Дионисыча

КОЛЛЕКЦИЯ КОСТАКИ В ТРЕТЬЯКОВКЕ

Анна Толстова

ВЫСТАВКА к 100-летию со дня рождения коллекционера — самая большая из всех, что когда-либо показывала Третьяковская галерея, а она показывала доставшуюся ей долю собрания Костакі дважды: в 1986-м и в 1997-м. На юбилейной выставке сойдутся все составляющие легендарного собрания: авангард, икона, андерграунд, народная игрушка. Правда, обещанного воссоединения коллекции Костакі не случится — она воссоединится лишь в каталоге и мультимедийных изданиях. Существенная греческая часть коллекции на выставку не приедет — по каким-то бюрократическим резонам, хотя нам пора бы уже привыкнуть к таким неприятным сюрпризам. Впрочем, салоникский музей обещает привезти свою порцию Костакі в 2016-м.

А Третьяковка залатает дыры теми вещами из его дара, которые вообще никогда не выставлялись — их как раз отреставрировали к выставке. И даже сенсация будет: покажут и опубликуют рассекреченные в 2011-м документы, касающиеся передачи коллекции государственным музеям и выдачи разрешения на выезд семье Костакі. В общем, теперь эта таинственная история более или менее проясняется. Трудно найти мемуары о художественной жизни тех времен, где бы не было нежных слов про, как фамильярничили приближенные и допущенные, Дионисыча. Коренной москвич, из греков, сохранявших греческий паспорт, так что для репатриации имелись законные основания, Георгий Дионисович Костакі (1913–1990) всю жизнь служил, говоря торжественно, на дипломатической службе — шофером, сторожем и завхозом при посольствах. Жил на широкую ногу, общался с именитыми иностранцами, ездил за границу, приветал неофициальных художников — держал настоящий салон, где подпольщики могли «живьем» посмотреть запретное, в музеях тогда пылившееся по секретным запасникам искусство авангарда. Был хлебосол и щедр, покупал не только авангардистов, но и нонконформистов — любимчиком был, конечно, Анатолий Зверев. Пропагандировал художественную антисоветчину по ту и эту стороны железного занавеса — там читал лекции, тут показывал собрание директорам и хранителям западных музеев, давал вещи на редкие оттепельные выставки. Почему ему все это позволялось, несмотря на то, что добросовестные соседи регулярно докладывали об имеющихся место безобразиях куда следует, — насчет этого ходили разные слухи. Еще больше слухов ходило насчет дара и отъезда: дескать, дар был добровольно-принудительный, дескать, пошел на сделку с советским государством, откупился львиной долей своих сокровищ, зато вывез семейство и остаток коллекции в Грецию, где жил долго и счастливо. Рассекреченные материалы показывают, что все было не так — и сложнее, и проще.

Климент Редько. «Восстание», 1925 год

Костакі, похоже, недаром служил в посольствах — он был прирожденный дипломат и мудрый человек. То есть понимал, что после его смерти собрание поделят между тремя дочерьми, сыном и многочисленными внуками, и хорошо, коли обойдется без ссор и скандалов. Вначале речь шла о передаче основной части коллекции государству (он мечтал об отдельном музее авангарда, о полном каталоге, о большой международной выставке) и о возможности продать второстепенные вещи за границей, чтобы обеспечить детей. Дипломатическая подготовка велась с начала 1970-х по двум фронтам: здесь он бомбил просьбами минкульта чиновников, на Западе делал публичные заявления, что хочет подарить свой авангард советскому народу. Минкульт тянул резину — во всей Москве никак нельзя было сыскать подходящего здания для музея. Тем временем в СССР начало подмораживать: московских коллекционеров стали судить и сажать, на даче Костакі случился пожар, в квартире — кража. Вскоре ему светила пенсия и потеря дипломатического статуса — просьба о выезде на историческую родину была подсказана обстоятельствами. В итоге длительных переговоров все вышло не так, как планировалось. Отдельного музея не открыли, коллекцию все же поделили: лучшую ее часть роздали трем столичным музеям, но большую часть семья Костакі смогла беспошлинно и легально вывезти в Грецию.

Сохранилась замечательная фотография: Костакі с женой в квартире на проспекте Вернадского после раздела — стены голые, по углам неотобранные работы, вид у него трагический, просто король Лир. Возможно, эта эпопея произвела впечатление на второго великого коллекционера русского авангарда Николая Харджиева: играть с государством в его странные игры он не стал, пытался вывозить картины с архивом контрабандой — получилось еще хуже, собрание украдено и распылено по западным музеям. Тогда как о Костакі в России и Греции вспоминают только с благодарностью.

Прежде всего Третьяковская галерея — ей достались шедевры, чего уж тут стесняться в выражениях, русского и советского авангарда. Отборочная комиссия работала в квартире на Вернадского полтора месяца — весной 1977-го. 142 картины и 692 листа графики — вполне хватило бы на отдельный музей. А еще Костакі осчастливил Музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева — туда попали подаренные советскому атеистическому народу иконы и лицевое шитье. А еще музей-заповедник «Царицыно» — там оказалась народная игрушка, одна из костакіевских страстей, он целиком купил великолепное собрание актера Николая Церетелли. Куда большая, но не столь ценная, как то, что отдано Третьяковке, часть собрания была вывезена в Грецию — незадолго до смерти